

- Поволжья (1921-1929гг.) [Электронный ресурс] // Издательство «Грамота» 2010 [сайт]. [2001]. URL http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2010_1_33.pdf (дата обращения 27.04.2011).
14. Ромм М. Беседы о кино М.: Искусство, 1964. – 365 с.
15. Т.И. Кино в деревне // Советский экран. 1925. №2. С. 2.
- 16.

Валиахметов А.Н.

Чехословацкий легион в России (1914-1920):

семантическое поле

Настоящая статья представляет собой попытку новой интерпретации «старых источников»: объект исследования – историография Чехословацкого легиона в России; предмет – реконструкция семантического поля, в котором главным семантическим компонентом является Чехословацкий легион.

Новизна подхода проявляется в стремлении рассмотреть отечественную историографию Чехословацкого легиона в России в системе координат интеллектуальной истории, т.е. «уйти» «от описания и инвентаризации исторических концепций, направлений и школ к анализу, главным предметом которого становятся качественные перемены в исследовательском сознании и творческой практике историков» [1, С. 241].

Ключом, который позволит открыть дверь в «исследовательское сознание и творческую практику историков» является язык их сочинений, точнее семантическое поле – совокупность языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) семантическим признаком (в данном случае – Чехословацкий легион). Одним из важнейших элементов семантического поля является заглавие научных работ – это «коммуникативная единица, которая находится в позиции перед текстом, является его названием, синтаксически оформляется как предложение, прямо или косвенно (через образные средства

языка) указывает на содержание текста и ограничивает данное речевое произведение от другого» [2, С. 59].

Обозначим основные типы заголовков. Прежде всего - информативно-концептуальный тип заглавия, который выражает «непосредственное содержание (концепт) речевого сообщения и демонстрирует прямую смысловую связь между названиями и текстом» [2, С. 59]. В заглавии используются т.н. ключевые слова - «функционально нагруженная лексема, которая благодаря неоднократному повторению в тексте образует семантический стержень произведения» [2, С. 59]. Примером подобного типа заглавий могут быть названия работ Ф.Г. Попова [3], В.В. Хрулева [4], О.Ю. Никоновой [5], С.В. Устинкина [6], П.А.Новикова [7], В.Ж.Цветкова [8], А.Р. Ефименко [9] и др.

Следующий тип заглавия - информационно-троповый, в котором происходит «последовательный процесс убывания непосредственной информации о содержании текста в его названии... Информативно-троповое заглавие специфически совмещает в себе, с одной стороны, стремление к адекватному со смыслом текста обозначению его темы и, с другой стороны, желание некоего художественного (или, если можно так сказать, «полухудожественного») именованья рассматриваемой проблемы» [2, С. 60]. Примерами такого типа заглавий могут быть названия работ Н.И. Подвойского [10], Н. Каржанского [11].

В историографии можно встретить и реминисцентно-смысловой тип заглавий: «Чешские аргонавты в Сибири» [12] и «Чехословацкая «Одиссея» в Сибири (по материалам периодической печати и воспоминаниям современников)» [13]. В обоих случаях возникает «семантическая соотнесенность исследуемого (читаемого) текста (Т1) с каким-либо гипотетически известным читателю произведением искусства» [2, С. 63]. Оба заголовка отсылают читателя к античным мифам. В то же время, смысловая нагрузка этих заглавий прямо противоположна. В первом случае, сравнивая чехословацких легионеров с «аргонавтами» автор (генерал К. В. Сахаров,

критически и негативно оценивавший действия Чехословацкого легиона) сравнивал их с охотниками за золотом. Во втором случае автор пишет об «Одиссее» как о путешествии, полном приключений и опасностей, главной целью которого является возвращение домой.

Название статьи А. П. Левчука [14] можно считать аллюзией на название монографии А. Х. Клеванского [15]. По всей видимости, тем самым автор хотел подчеркнуть, что он обращается к известной проблеме, но намеревается предложить новый взгляд.

Если в работах 1920-х годов встречаются обобщающие заголовки («Правда о чехословаках» [10], «Чехословаки в России» [11], «Россия и Чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914-1918 гг.» [16]), то в 1990-е годы ситуация изменилась. Это проявилось в детализации и конкретизации тематики исследований и введении в заглавия такого устойчивого оборота, как «К вопросу...» [14; 17; 18; 19]. Подобный оборот с одной стороны обозначал некий частный аспект, к которому приковано внимание исследователей. Помимо этого, он отражал стремление авторов найти «новое в старом». Объяснимо, что в центре внимания продолжают оставаться такие аспекты как выступление чехословацких легионеров, их участие в боевых действиях и т.д. При этом отечественные историки практически впервые пишут отдельно об экономической деятельности [17], о численности легионеров [19] и т.д. Следует назвать статью, изданную в конце 1990-х годов, автор которой в самом заглавии попытался обозначить альтернативный подход к истории Чехословацкого легиона [20]

Общей тенденцией, проявившей себя на протяжении всего периода развития отечественной историографии является то, что в заглавиях работ, посвященных Чехословацкому легиону часто упоминались и упоминаются антибольшевистские силы и интервенты, либо какой-либо аспект прямо или косвенно отсылающий читателя к истории гражданской войны в России:

«Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» [21], «Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка» [3], «Белочешский мятеж и германофильская монархическая контрреволюция» [22], «Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак» [23], «Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918-1919 годах» [5]. Всё это свидетельствует о том, что в сознании исследователей Чехословацкий легион тесно связан с историей гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции. Примером заглавия, в котором упомянуты легионеры, интервенты и представители внутренних антибольшевистских сил, является статья Мазлера [23]. Судя по заглавиям работ, история Чехословацкого легиона в отечественной историографии – это история его «мятежа/восстания/выступления», а также истории «борьбы» с ним и его «ликвидации». В действительности, все эти факты свидетельствуют о том, что Чехословацкий легион все еще рассматривается в контексте гражданской войны в России.

Лишь в одной из работ в заглавии упомянуты не «союзники» легионеров, а скорее их «оппоненты» – чехословацкие интернационалисты [15]. А.Л. Посадсков, оценивая значение книги А.Х. Клеванского, отмечал, что она внушала читателю мысль, что «не все чехи и словаки в России являлись «контрреволюционерами», среди них были и защитники советской власти. В советской историографии наиболее ярким и интересным примером такого подхода являлась известная книга А.Х. Клеванского» [24, С. 32].

Следует отметить, что в заглавиях работ встречаются лексемы, имеющие оценочный, эмоциональный характер, при этом, как правило, эти лексемы носят негативные коннотации: «чешское предательство» [25], «проданный корпус», «белочешский мятеж» и т.д. Эта тенденция проявляется в работах историков различных направлений. Действительно, практически все участники событий (с обеих сторон), оценивали роль Чехословацкого легиона в истории России 1918-1920 годов

как отрицательную. Исключением, пожалуй, могут считаться слова Л.Д. Троцкого: «Можно сказать, что если бы чехословаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплочённой, дисциплинированной геройской армии» [26, С. 531-532]. Также следует сказать о тех социалистах, которые оказались в 1920-е годы в Праге и издавали там свои труды; в них они подчеркивали, что помощь Чехословацкого легиона Комучу «была так значительна, что не представляется возможным не сказать об этом несколько слов» [27, С. 143]. Во всех остальных случаях отношение к чехословацким легионерам было резко отрицательным.

Таким образом, заглавия работ по истории Чехословацкого легиона не только выполняют свою прямую функцию (передача основного содержания, сути работы), но также в полной мере отражают состояние отечественной историографии Чехословацкого легиона в России.

Литература

1. Репина Л.П., Бобкова М.С. Историческое знание и интеллектуальная культура // Новая и новейшая история. – 2002. - №3. – С. 239-242.
2. Сыров А.И. Функционально-тематическая классификация заглавий и их роль в организации текста // Филологические науки. – 2002. - № 3. – С. 59-68.
3. Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932. – 232 с.
4. Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940. – 100с.
5. Никонова О.Ю. Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918-1919 годах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч. 2. – Челябинск, 1995. – С. 57-60.
6. Устинкин С.В. Участие чехословацкого корпуса в интервенции в России (1918-1920 гг.) // Русская, украинская и

белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды славянской «библиотеки и пражских архивов»: междунар. конф., Прага, 14-15 августа 1995 г.: сб. докладов. – Ч. 2. – Прага, 1995. – С. 590-596.

7. Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 года) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. – 2000. – № 7. – С. 5-17; 2000. – № 8. – С. 5-21.

8. Цветков В. Мятеж. Чехословацкий корпус на полях гражданской войны / В.Цветков // Родина. – 2001. – №6. – С. 55-61.

9. Ефименко А.Р. Чехословацкий корпус в составе русской армии и революционные события 1917 года // Военно-исторический журнал. – 2010. – №6. – С. 17-22.

10. Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. – М., 1918. – 16 с.

11. Каржанский Н. (Качанов). «Чехословаки в России. По неизданным официальным документам». – М., 1918. – 94 с.

12. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. – Токио, 1921. – 48 с.

13. Белоусова О.А. Чехословацкая «Одиссея» в Сибири (по материалам периодической печати и воспоминаниям современников) // История Белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. 7-8 февраля 2005 г. / Отв. ред. С.П. Звягин. – Кемерово, 2005. – С. 40-46.

14. Левчук А.П. Ещё раз о «Преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): материалы всерос. симпозиума, посвящённого памяти И.М. Разгона. – Ч. 2. – Томск, 1996. – С. 3-12.

15. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. – М., 1965. – 394 с.

16. Лазаревский В. Россия и Чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914-1918 гг. / С предисловием В.В. Шульгина. – [Париж], [1927]. – 175 с.

17. Дмитриев Н.И. К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого Востока России // История белой Сибири: тезисы 4-й науч. конф. 6-7 февраля 2001 года. – Кемерово, 2001. – С. 155-158.

18. Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 7-24.

19. Симонов Д.Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918-1920) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 145-148.

20. Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность её альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения: К 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале: материалы регионального науч. семинара, 24-25 апреля 1999 г. / Отв. ред. Нарский И.В. – Челябинск, 1999. – С. 56-72.

21. Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – М.; Л., 1928. – 80 с.

22. Зимица В.Д. Белочешский мятеж и германофильская монархическая контрреволюция. Попытки взаимодействия и их крах // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России: сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 137-145.

23. Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С. 141-149.

24. Посадсков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 30-35.

25. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). — [Берлин, 1930]. — 136 с.
26. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. I. Первоначальный период накопления сил. — М.; Л.: Государственное издательство, 1926. — 748 с.
27. Николаев С.Н. Политика «Комуча». (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. — Praha: Издание общества участников Волжского движения, 1930. — С. 103-164.

Венидиктова Е.А.

Политические институты Аргоса в архаический период

С формированием полисного строя в архаический период, в Аргосе, как и в других полисах древней Греции, образовались институты власти, которые выполняли различные функции. В настоящее время, вопрос о времени появления и функциях магистратов остается дискуссионным. Поэтому обращаясь к истории архаического Аргоса вполне логично рассмотреть его институты власти.

Верховная власть в Аргосе с древности принадлежала царям из династии Теменидов. Но со временем царская власть была ограничена, а затем и вовсе прервана. Однако, после пресечения династии Теменидов, царская власть трансформировалась в эпонимную магистратуру, очевидно годовую. Данное суждение следует из того, что сохранилась надпись аргосского декрета 450 г. до н.э. по регулированию отношений с Кноссом и Телиссом, критскими полисами при царе Меланте (Tod. I, 33). Кроме того, интересно сообщение Плутарха об избрании аргосцами себе царем по совету дельфийского оракула некоего Эгона (Mor., 396C). Также согласно Геродоту, во время Греко-персидских войн 500-449 гг. до н.э. у аргосцев был царь, в руках которого оставалось лишь военное командование (Hdt., VII, 149).